

УДК 800.87

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЕЁ ПОКАЗАТЕЛИ В ДИАЛЕКТНОМ ТЕКСТЕ

М.А. Харламова

Аннотация

В статье на материале различных говоров Среднего Прииртышья решается проблема проявления в речи диалектоносителей этнической и социокультурной самоидентификации. Подтверждён факт наличия в сознании потомков старожилов и «новосёл» – этнических чехов, латышей, эстонцев и других носителей смешанных говоров информации об истории появления их предков на территории Западной Сибири. Особое внимание уделено «показателям метаязыкового сознания» – высказываниям, вербализующим представления о *своей* и *чужой* речи.

Ключевые слова: этническая и социокультурная самоидентификация, диалектные высказывания, метатекстовые высказывания, маркеры языковой компетенции.

Изучение различных регионов России – в центре внимания археологов, этнографов, географов, экономистов, философов, филологов, антропологов и др. Выделилась даже новая гуманитарная дисциплина – регионалистика, исследующая процессы деятельности и существования человека и создаваемой им культуры во взаимодействии с окружающей средой в рамках географического пространства, региона [1]. Лингвистическое обследование Среднего Прииртышья вписывается в общую проблематику научных поисков. Этнолингвистическое своеобразие Омского региона обусловлено, прежде всего, историей заселения этого района [2]. Формирование исследуемых русских говоров на протяжении XVII – XXI вв. во многом также определялось социально-историческими и экономическими условиями развития Омской области. В XX – XXI вв. на состояние всех русских диалектов стали воздействовать средства массовой информации, определяющее влияние имел и имеет литературный язык во всех его разновидностях.

Диалектные материалы, записанные на территории Среднего Прииртышья, где сосуществуют говоры, различающиеся по времени появления и по диалектной основе [3], позволяют показать особенности языкового сознания современного носителя традиционной культуры. Рассмотрим высказывания, где представлены рассуждения диалектоносителей о своём происхождении, о появлении на данной территории их предков. «Рассейскими» называют себя, как правило, переселенцы XIX – начала XX вв., прибывшие из центральных и южных губерний России (ср.: носители старожильческих русских говоров – «чалдоны, тутошние, сибиряки»). Впрочем, белорусы на наш вопрос: «Откуда

приехали ваши родители?» – отвечают: «Из –*Рассеи / Рассейские мы*». Как старожилы (чалдоны), так и новосёлы («рассейские» и белорусы) отмечают своё «рассейское» происхождение. Вот пример из записей в Седельниковском районе, где «рассейские», чалдоны, украинцы и белорусы – давние соседи: *Оны идэй пишака / ишли знайши ты аттэдава с – расейи многа //* (Кейзес, Седельниковский, Григорьева А.С., 80 лет, 1924 г. р., белорус., 2004 г.). Свою этническую принадлежность к украинцам отмечают жители Калачинского района: *Радители наши приежыи из-якой-то полтавы / з-украины / вот-ани аттуда приехали //* (Калачинск, Калачинский, 75 лет, 1929 г. р., укр., 2004 г.). Развёрнутое суждение, реализующее представления диалектоносителя о происхождении своих предков, обнаружено в записях, сделанных на территории бытования разнообразных новосельских говоров [3]: [Почему называются зыряне и откуда появились здесь?] – *А патаму-шта раньшы приехали при-царе-касаре и приехали гат ни-знаю аткуда-та иззырянская диревня далеко-далеко / ни-знаю я-уш не-помню/приехали аттудава ишо дедушки бабушки и/пашили там фсё зыряны и-зыряны пашили //* (Горьковское, Горьковский, Юдина М.Я., 77 лет, 1929 г. р., 2 кл., зырян., 2006 г.). В силу различных причин на территории Омской области оказались представители западославянских языков – чехи, поляки. В Сибирь чехи приехали не из Чехии, а уже с Украины [4]: *Аткуда ани были? с-украины аткуда-то // худо жыли наверна да ховорят где-то ф-сыбири харашо жыть / земли многа/ну-и-так астались тут // здесь-вот дирэвня / здесь хахлы были чэхи-там//чэхи перэшли дальшэ / так абразавалась на-вахратка //* (Новоградка, Калачинский, Яндер А.И., муж., 1932 г. р., 80 лет, грам., чех, 2004 г.); по другим рассказам – из Бессарабии: *Отец з-бисарабии а-мать с-крыма / издалика / эта ф-читвёртом наверна не-е подождити ф-шыстом наверна или сидьмом ходах / так // давно //* (Репинка, Калачинский, Вондра А.А., жен., 1937 г. р., грам., чеш., 2004 г.).

Свою «непохожесть» ощущают представители разнообразных русских говоров Среднего Прииртышья: *Я-то тут радилась / ф-Сибири // чалдоны у-нас были ф- Кабурлах / щас ужэ разбежалис ь// диревня была называли sibя кацапы / люди как люди //* (Лаврино, Нижнеомский, Сухомозова Н.Д., 1929 г. р., 78 лет, 7 кл., новосел, 2007 г.); *Вэкатерынафке значыт этъ чылдоны эти-вот / их чылдонами называли //* (Кейзес, Седельниковский, Григорьева А.С., 1924 г. р., 80 лет, неграм., рус.-бел., 2004 г.); *А-фсё мы как-челдоны / нас как-челдонами звали тут / ну-найерна нацяя наша челдонская // а-кам-курским как-та чяс / ужэ там мала хахлоф а-их кам-курских тока хахлы звали //* (Качесово, Муромцевский, Фектистова В.В., 1932 г. р., 72 года, неграм., старож., 2005 г.). Осознание своей национальной принадлежности сопровождается и оценкой с этих позиций односельчан: *А-йэво ни-паймёш // мать была латышка / атец немци // тут-так смешынные здесь фсё //* (Бобровка, Тарский, Ликсна И.И., муж., 1922 г. р., 85 лет, 5 кл., латыш., 2007 г.).

В полевой экспедиции 2007 г. была записана речь этнических эстонцев и латышей. Своеобразие жизненного уклада, традиционной культуры проявляется не только у старшего поколения, которое помнит жизнь «на хуторах», но и у молодого. Молодёжь старается сохранить культуру предков, изучая её по старым записям и общаясь с пожилыми односельчанами. В д. Бобровка Тарского

района латышка (35 лет) руководит фольклорным ансамблем «Виравиксна» (*эта значит радуга*). В селе открыт национальный музей, где представлена вся история латышей-переселенцев, которые в начале XX в. добровольно приехали в Сибирь «за землёй». Самый почитаемый летний святой у латышей (как и у эстонцев) – Иван; праздник Лигуа, посвящённый ему, широко отмечается в конце июня (Иван Купала у русских 7 июля): *На-лигуа мы идём к-Иванам / как-бы их аппеть ('обпеть') //; А-Иваны / ну / людей каторых Иванами завут // Ну / мы идём их паздравляем/ Ну-как щитаица празник Иванаф/ адеваим им венки / жонам хазяйкам дарим букеты цветоф / Ани нас тагда угацают а-то мы им порчу наведём //; [А венки вы сами плетёте? Из каких трав?] – А-вот какая трава йэсь на-Иванаф день ис-такой и-плетяи / Нынче вот цветоф не-была / Так мы вапце ис- травы / ну / ис-травы вапце // Лахматые такие!// Фсе смиялись нада-мнои // Ну у-тибя и-винок / Я гаварю / Царица палей //* (Бобровка, Тарский, Беле О.П., жен., 1972 г. р., 35 лет, 10 кл., ср.-спец., латыш., 2007 г.). Сибирские эстонцы также отмечают Ивана Купалу в конце июня. Думается, что сохранение народных праздников и обычаев способствует укреплению позиций родных языков и наречий.

Исследователи (О.И. Блинова, Е.В. Лютикова, А.Н. Ростова и др.) давно обратили внимание на то, как диалектоносители осмысливают особенности своей и чужой речи. Рассуждения носителей того или иного говора о языке проявляются в высказываниях – метатекстах, в которых воплощаются «показания метаязыкового сознания» [5, с. 55].

Восприятие речи жителей соседних деревень как *чужой* характерно для многих наших информантов: *Их чылдонами называли / оны шыпкь плохь разговарывали //* (Кейзес, Седельниковский, Григорьева А.С., 1924 г. р., 80 лет, белорус., 2004 г.). Оценка *плохо* не столько касается «качества» речи, сколько показывает, что информант – этнический белорус – отмечает отличия *чужой* речи. Многочисленные номинации погодных явлений, обнаруженные в говорах Среднего Прииртышья, часто оцениваются диалектоносителями с позиции *своё – чужое*: *У нас говорят «разъяснивает», а «развёдривается» в Колбышевой говорят* (Караульное, Называевский, старож.); [Когда наступает ненастная погода, говорят ненастье?] – *Така погода замокропогодила, у нас говорят* (Такмык, Большереченский., старож.). Маркированность *чужой* речи может выражаться как в общей оценке (плохо разговаривают), так и в сравнении конкретных особенностей произношения или лексического запаса путём приведения вариантов, «правильных» для представителей данного социума: *А-уде чинить там сделать юрят / а ты как кацапка! так делаши / у-их друуя мода была //* (Лаврино, Нижнеомский, Сухомозова Н.Д., 1929 г. р., 78 лет, 7 кл., новосел, 2007 г.); *Вышками называют/ а раньшы копрами/ копёр //* (Усть-Ишим, Усть-Ишимский 68 лет, старож.); *Вёдринная пагода эта па-стариннаму // вёдра значит //* (Кам.-Курское, Муромцевский, Мальцева Е.Т., 1936 г. р., 69 лет, грам., новосел., 2005 г.). Часто в диалектных записях «трактуются» термины родства, маркерами метатекстовых высказываний выступают наречия *раньше, ране, тагда, сейчас, щяс* и глаголы *звали, называли*: *Раньше свекровку мамонькой звали //* (Паново, Усть-Ишимский, Жарасбаева Г.К., старож., 1979 г.); *Это сейчас молодёжь / тёща тёща // жэних невестину матерь мама* [называл] // (Новосан-

жаровка, Русскополянский, Игнатенко А.И., 1927 г. р., укр., 5 кл., 2003 г.); *Да / мамаша и папаша / так их ране называли* [о теще и теще] // (Такмык, Больше-реченский, старож., 1999 г.). *Ну-а-маму мама / а-аца тяткай / а-некатарыи хахлы звали тата* // (Кам-Курское, Муромцевский, Рафтович Г.А., 1925 г. р., 79 лет, новосел., 2005 г.); *Виш щяс папа / раньше тяттей звали* // (Архангелка, Калачинский, Хрякова С.Н., 1916 г. р., 88 лет, новосел., 2004 г.); *Щяс папка / а-тагда тяттей звали* // (Новомалиновка, Нижнеомский, Медведева Д. Д., 1917 г. р., 90 лет, неграм., новосел., 2007 г.). Предельно общая характеристика чуждой речи передаётся с помощью выражения *была поговорка* (см. ранее: *мода была*): *ужэ там мала хахлоф а-их кам-курских тока хахлы звали / ани фсё чяво зачем вот-так-вот как-та их была паговорка* // (Качесово, Муромцевский, Фектистова В.В., 1932 г. р., 72 года, неграм., старож., 2005 г.).

Оценка и осмысление *своей и чуждой* речи особенно ярко реализуются в высказываниях носителей других языков: *Здобу тожы фсё пыкли фсё время / ну-как-ана па-нашиму бухты назывались* // (Воскресенка, Калачинский, Кадермас А.И., 1939 г. р., 65 лет, муж., грам., чех, 2004 г.); *Ну-йесть блюда кнэд-лички эта па-чэски па-русски эта халушки* // (Воскресенка, Калачинский, Киселева (Кадермас) М.И., 1947 г.р., 57 лет, грам., чеш., 2004 г.); *Вот па-крайний мери мы типерь разнавариваем вот-например наварим картошка / вот-шо-мы чэхи шо-русскийу а фактичиски па-чэски брамбула картошка эта чыста чэс-кийе* // (Новоградка, Калачинский, Шиллер Фр.А., 1938 г. р., 66 лет, муж., грам., чех, 2004 г.). Рефлексия по поводу *своего и чужого* языка обнаруживается в ответах на вопросы: [А как «кошка» по-латышски будет?] – *Каитис // А-эта / ўот эта значит каттины - самачки / а-ронцысыр кот / ронцысыр* // (Бобровка, Тарский, Ликсна И.И., муж., 1922 г. р., 85 лет, 5 кл., латыш., 2007 г.); [На чём ткали?] – *Ну / такии стаяли как ани называюца / станки такии // Ни-знаю я / как ани па-русски называюца* // – [А по-эстонски?] – *Ну как?! канка / ... / Ну гос-поди / Я сама ужэ типерь забыла* // (Тара, Тарский, Удрас-Чарткова А.Э., 1941 г. р., 66 лет, 7 кл., эстон., 2007 г.). Двужычные диалектоносители в присутствии собеседника толкуют лексику, сопоставляя *своё* через русское литературное или диалектное слово: *ронцысыр – кот, канка – станок, брамбула – картошка*. Информантка, предки которой были зыряне [3], по просьбе интервьюера попыталась перевести на русский язык исполненную ею песню: *Как перевести? / па-зырянски складней чем перевадить па-русски* // (Горьковское, Горьковский, Юдина М.Я., 1929 г. р., 77 лет, 2 кл., зырянка, 2006 г.). Осмысляется в данном случае не какой-то уровень языка, а весь строй речи в целом.

Некоторые диалектоносители сознают, что они теряют народные традиции, забывают язык: *Раньше мы чяце канэшина фстрэчались и нуляли па-своему а щяс ужэ фсё / жалка / старыйе-то фсе паумирали а-малодёш ни-научили / пачьти фсё пазабыли // да-я фсё хатэл внукаф свайых это натаскать непалучайэца* // (Новоградка, Калачинский, Яндер А.И., муж., 1932 г. р., грам., чех, 2004 г.); *Ну-тут знайте большы русских слов // типерь ужэ фсё канэшина фактичиски йесли чыста па-чэски ано ни-сходица* // (Новоградка, Калачинский, Шиллер Фр.А., 1938 г. р., 66 лет, муж., грам., чех, 2004 г.). Языковое сознание среднего и старшего поколения чехов отчётливо проявляется в беседах: *Дома сразу разнаваривали чыста по-чэски ф-симыйе / начяли ф-школу хадить там-*

русский / значить плоха разгавариваем с-русским путаем слава // (Воскресенка, Калачинский, Кадермас А.И., 1939 г. р., 65 лет, муж., грам., чех, 2004 г.). Они ещё двуязычны, тогда как их детей и внуков в лучшем случае можно назвать пассивными двуязычниками: чаще всего они не знают и не понимают родного языка: *сичас ми ужэ пэрэмерли перэшли на-русский язык // ну я-то разгавариваю а-дэти маи нихто* // (Новоградка, Калачинский, Вондра Э.И., 79 лет, 1925 г. р., жен., неграм., чеш., 2004 г.).

Диалектоносители осознают не только отличие *своего* языка от русского, но и своего диалекта (например, местного латышского, эстонского) от языка метрополии, чаще всего оценке они подвергают произношение [6, с. 20]: [А когда с Риги приезжают латыши, вы их понимаете?] – *Ну-ўот-ани притягжный-так разговор-ых нитаккой как-ўот у-нас / да / аҗи* // (Бобровка, Тарский, Ликсна И.И., муж., 1922 г. р., 85 лет, 5 кл., латыш., 2007 г.); *Только я эта в-Эстонию ездила / только ф-Талине ни-так гаварят / а-вот в-Выру-гораде гаварят как ну / пахожэ на-наш язык* // (Тара, Удрас-Чарткова А.Э., 1941 г. р., 66 лет, 7 кл., эстон., 2007 г.) – или дают общую характеристику *чужой* речи: [А вы читаете книги по-латышски?] – *А-ўот у-нас ни-патходит / как нас учили как в-риге / сафсем другое // так / а-где-жэ йищэ* // (Бобровка, Тарский, Ликсна И.И., муж., 1922 г. р., 85 лет, 5 кл., латыш., 2007 г.). Маркерами оценки выступают глаголы *подходить, переводить*, прилагательные *притяжный, нитаккой, другой*, наречия *по-русски, по-латышски, по-зырянски, не так, похоже* и т. п.

В условиях спонтанной речи (иногда в диалоге с родственниками или соседями), когда, с точки зрения диалектоносителя, нарушается или меняется норма, то он может дать свой лексический эквивалент: *Ис-картошки эта / драники дируны раньшы их звали дируны* //; *Петя пивень / так раньшы старые люди называли пивень // так только када / питух и питух* // (Лаврино, Нижнеомский, Сухомозова Н.Д., 1929 г. р., 78 лет, 7 кл., новосел., 2007 г.); *Сеногной зовём, не бусанчик* (Сеткуловка, Муромцевский, старож.). Часто такие ситуации возникают при сопоставлении традиций и обычаев, принятых здесь, в Сибири, с традиционным укладом представителей того же этноса, проживающего на исконной территории бытования того или иного народа: В.П. – *Сразу пидходят пидвикно / ўот у-нас ў-Сибири-то нэ-так / а-мы-от булы з-нэй на-Украине сыдым за-столом ну-тут вечерають-жэ сыдыть а пид-викном стукають оци-шо колядують* // – А.В.: *Щидрують // Ну-тут кажуть щидрують там колядують ну-щидрують хай / щидрують воны-там* // (Полтавка, Полтавский, Марчук В.П., муж., 1938 г. р., 68 лет, 7 кл., укр.; Марчук А.В., жен., 1940 г. р., 66 лет, 7 кл., укр., 2006 г.). Маркерами этнической самоидентификации в данном случае является наречия времени и места *раньше, тут, там* и глаголы *называть* (называют, называли), *казать* (кажут, казали). Результаты междиалектной интерференции обнаруживаем в таких развёрнутых высказываниях, где носители, например, новосельческих говоров, наблюдая за речью соседей-чалдонов, улавливают отличия в употреблении номинативов, обозначающих одну и ту же реалию. Так, лексемы *вёдра* в старожильческом говоре и *погода* в новосельческом означают ‘ясная солнечная погода’, что понимает наш информант: *Аҗи пачиму ўварят / ой заўтра вёдра / А-я сразу фсе фсё ни-знала думала што-за-ўвёдра // А-эта паўода* // Кам.-Курское, Муромцевский, Бычкова К.К., 77 лет,

новосел., 2005 г.). Рефлексия по поводу *своего* слова, *своего* названия ярко представлена в ответах на прямые вопросы собирателя: [Как называется жаркая погода?] – *Вёдра гаварят* // (Крутинка, Крутинский, Хованова С.П., 1936 г. р., 70 лет, старож., 2006 г.); [Как называется погода, когда дождь, пасмурно? Ненастье?] – *Нет / Поюда* // (Крутинка, Крутинский, Ильченко М.С., 1938 г.р., 78 лет, грам., новосел., 2006 г.); [Как называете плохую, пасмурную, дождливую погоду?] – *Дажливая называим ужэ три дня даждливая* // (Крутинка, Крутинский, Хованова С.П., 1936 г. р., 70 лет, старож., 2006 г.); *Нет, заморозок не называют, а говорят – иней пал, первый раз холод ударил* // (Бакшеево, Тевризский, старож.); [Как называется плохая погода?] – *Нинастье и – вот такая погода была* // (Крутинка, Крутинский, Топоркова Н.Н., 1943 г. р., 63 года, грам., старож., 2006 г.). Проявление языкового сознания обнаруживаем, как правило, в высказываниях-размышлениях, вызванных воспоминаниями о прошлом: *Халодную паюду называли можыт и – север* // (Елизоветинка, Черлакский, Захарова М.К., 1921 г. р., 83 года, старож., 2004 г.). Очень часто развёрнутые метатекстовые высказывания вызваны желанием диалектоносителей объяснить собеседникам – городским жителям «непонятные» диалектные слова: *Дует ветер, идёт дождь со снегом – зольная погода* // (Окунево, Муромцевский, старож.); *Солгун – это день такой, когда после жары прохладно и солнца мало* // (Окунево, Муромцевский, старож.); *Испёка – это жарщица, жарка погода* // (Окунево, Муромцевский, старож.). Особенно много таких наблюдений над собственным языком в размышлениях носителей старожильческих говоров, зафиксированных в Словаре русских старожильческих говоров: *Небо покрывает тучами, а дожда нет, так это морочно* (Орлово, Тарский, старож.); *Морок – это такой туман. На улице ничего не видно* (Нижняя Омка, Нижнеомский, старож.); *Начинат вроде замолаживат на небе – дождь будет. Это когда сделатся облако-то на небе, морок-от* (Слободчики, Усть-Ишимский, старож.) [7, с. 141]; *Солгунчик вот называем, когда солнышка нету* (Колосовка, Колосовский, старож.) [8, с. 162]; *Это когда небо затягивает, хмарь* (Тевриз, Тевризский, старож.) [8, с. 270]; *А когда солнце на ночь уходит, солнцесяд называется* (Орлово, Тарский, старож.) [8, с. 163]; *Крапивник – значит родился в крапиве, незаконно* (Тара, Тарский, старож.) [7, с. 69].

Таким образом, записи спонтанной речи представителей различных говоров на территории Среднего Прииртышья позволяют сделать вывод о том, что современные сельские жители в большинстве своём осознают национальную специфичность и принадлежность к народной культуре и языку. Диалектные высказывания имеют определённые показатели этнической и социокультурной самоидентификации. Такими маркерами выступают глаголы-сказуемые (*прийти, иди, приехать*), обстоятельства-наречия (*оттуда, там, тут*), топонимы (*с Украины, с России, с Эстонии, г. Выру*) и т. д. Наиболее важный материал содержат метатексты, отражающие размышления диалектоносителей о языке – важнейшем атрибуте этноса. Маркерами языковой рефлексии являются такие слова и выражения, как *знать, говорить, казать, называть, не подходит, раньше, по-чешски, по-латышски, по-зырянски, по-русски, по-нашему, по-своему, по-старинному, другая мода была, была поговорка, чисто чешское, протяжный разговор, их разговор, нетакой разговор, ране называли* и т. п.

«Сигналом» к толкованию диалектных слов, непонятных собеседнику, может быть повтор слова с паузой или без нее, вставка уточняющих слов – частиц типа *вот*, вопрос к собеседнику, на который отвечает сам диалектоноситель (*как они?*), повтор слова, неясного для собеседника, с вопросительной интонацией и т. д.

Summary

M.A. Kharlamova. Ethnic Self-Identification and Its Index in Dialectal Text.

The article solves the problem of ethnic and sociocultural self-identification manifestation in the dialect-speakers speech on the data of different middle Near-Irtysh accents. It is confirmed that the descendants of ethnic Czech, Estonians, Latvian and other mixed-accent dialect-speakers, as well as successors of “old residents” and “new settlers” have in their consciousness the information about the history of their ancestors’ appearance in the region of Western Siberia. Special attention is paid to the “index of metalinguistic consciousness” the expression that verbalizes the idea of “native” and “foreign” speech.

Key words: ethnic and sociocultural self-identification, dialectal text, “index of metalinguistic consciousness”.

Литература

1. Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / Под ред. А.С. Герда, Лебедева Г.С. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 392 с.
2. *Садретдинова Г.А.* История заселения русскими Западной Сибири в связи с изучением сибирских старожильческих говоров // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1999. – С. 70–111.
3. *Харламова М.А.* Об итогах и перспективах лексикографической работы Омских диалектологов // III Междунар. Бодуэновские чтения. И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 2. – С. 268–270.
4. *Харламова М.А.* Своеобразие фонетических систем новосельческих говоров Среднего Прииртышья // Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления / Отв. ред. Б.И. Осипов. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2007. – С. 134–138.
5. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.
6. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 186 с.
7. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. / Под ред. Г.А. Садретдиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – Т. 2. – 244 с.
8. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. / Под ред. Г.А. Садретдиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – Т. 3. – 358 с.

Поступила в редакцию
17.09.08

Харламова Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

E-mail: khr-spb@mail.ru